

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР

ЕЖЕГОДНИК
ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
1961 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР
РИГА 1963

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д-р истор. наук *В. К. ЯЦУНСКИЙ* (отв. редактор),
акад. *С. Д. СКАЗКИН*, член-корр. АН СССР *Х. Х. КРУУС*,
академик АН Латв. ССР *К. Я. СТРАЗДИНЬ*, академик АН Латв. ССР *А. А. ДРИЗУЛ*,
д-р истор. наук *Н. В. УСТЮГОВ*, канд. истор. наук *И. У. БУДОВНИЦ*,
канд. истор. наук *Г. П. СТРОД*, канд. истор. наук *А. М. АНФИМОВ* (отв. секретарь).

С. А. Секиринский

ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

История крестьянской колонизации Таврической губернии является лишь частью более крупного вопроса — истории заселения Новороссийского края. В свою очередь, история заселения Новороссии — это только часть истории колонизации окраинных районов Российской империи.

В. И. Ленин указывал, что «колонизационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны»¹. Следовательно, историю заселения Таврической губернии следует рассматривать в связи со всеми особенностями аграрных отношений в царской России.

История заселения Новороссийского края освещалась в работах ряда дореволюционных историков, а также в трудах советских исследователей². Задачей данной работы является освещение истории крестьянской колонизации Таврической губернии в первой половине XIX в.³

Для изучения крестьянской колонизации Тавриды автором были использованы фонды Государственного архива Крымской области (ГАКРО), «Камеральное описание Крыма» И. А. Игельстрома, записки путешественников и ученых конца XVIII — первой половины XIX в.⁴, журналы первой половины XIX в. и другие источники.

В результате войн России с Турцией в конце XVIII в. из-под власти Оттоманской империи были освобождены Крым и южные украинские земли, что сыграло большую положительную роль в развитии производительных сил всей России.

В состав Таврической области, впоследствии Таврической губернии, кроме Крыма, входили степь к северу от Перекопа и до 1820 г. — полуостров Тамань. По занимаемой территории губерния превосходила Данию, Голландию, Швейцарию.

Вопрос о численности населения бывшего Крымского ханства решался в исторической литературе по-разному. Татарский буржуазный националист Озенбашлы утверж-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 65.

² А. Скальковский. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1730—1823, ч. 1, 2. Одесса 1836, 1838; его же. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. 1, 2. Одесса 1850, 1853; Ц. К. Щербальский. Потемкин и заселение Новороссийского края. М. 1868; Д. И. Багалей. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его на пути культуры. Исторический этюд. Киев 1889; Г. Писаревский. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М. 1909; Н. Державин. Болгарские колонии Новороссийского края. — «Известия Таврической ученой архивной комиссии» (далее — ИТУАК), 1909, № 41; И. Медведева. Таврида. Л. 1956; М. Максименко. Крестьянское движение в Таврической губернии накануне и после отмены крепостного права. Симферополь 1957; Е. И. Индовва. Крепостное хозяйство в начале XIX в. М. 1955; Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М. 1959.

³ История заселения Таврии в конце XVIII в. частично рассмотрена в нашей статье «К вопросу о заселении Крыма в конце XVIII века» («Известия Крымского пед. института им. М. В. Фрунзе», т. XXIII. Симферополь 1957, стр. 73—87).

⁴ Выписка из путевых записок Василия Зуева, касающихся до полуострова Крыма 1782 года. — Месяцеслов исторический и географический на 1783 год. СПб. 1782; [К. И. Габлиц]. Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы. СПб. 1785; Ж. Ромм. Путешествие в Крым в 1786 г. Л. 1941 (перевод с французского К. И. Раткевича); К. Герман. Описание Таврической губернии. — «Статистический журнал», т. I, ч. 2, СПб. 1806; т. II, ч. 1, СПб. 1807; Герсиванов. Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XI, ч. 2, Таврическая губерния. СПб. 1849.

дал, например, что население Крыма до ликвидации Крымского ханства составляло 3 млн. человек⁵. Это, конечно, смехотворная цифра. Гораздо ближе к истине, по-видимому, данные, приведенные в «Камеральном описании Крыма». По подсчетам составителей «Описания», в 1784 г. в Крыму насчитывалось более 55 тыс. душ мужского пола мусульманского и иудейского вероисповедания⁶. Что касается христианского населения, то после «вывода» греков и армян (31 тыс.) из Крыма в 1778 г. его здесь в 80-х годах почти не осталось. Сведения В. Зуева и Ж. Ромма⁷ не очень расходятся с данными «Камерального описания Крыма».

Таким образом, в момент присоединения Крымского ханства к России его население было очень редким и состояло главным образом из татар, частично — из караимов и евреев.

Необходимость заселения Крыма и прилегающих к нему земель Южной Украины диктовалась как экономическими, так и политическими соображениями. Крымские татары в конце XVIII в. находились на сравнительно низкой ступени экономического развития. Главным занятием татарского населения было полукочевое скотоводство и примитивное земледелие. Значительная часть татар враждебно относилась к русским властям и с точки зрения царского правительства была в политическом отношении ненадежной.

Заселение Таврической области (губернии) новыми людьми, в первую очередь русскими и украинскими крестьянами, началось сразу после ликвидации Крымского ханства. В конце XVIII в. Таврия, особенно северная ее часть (Перекопский и Мелитопольский уезды), заселялась отставными солдатами, государственными крестьянами из русских и украинских губерний, беглыми крепостными и крепостными крестьянами, переведенными сюда в принудительном порядке русскими помещиками, а также русскими людьми, приглашенными в новую область из Молдавии и других частей султанской Турции. Уже в 1796 г. в Северной Таврии возникло около 40 сел и деревень, населенных русскими и украинскими государственными и помещичьими крестьянами. Более или менее крупными среди них были Большая Знаменка, Малая Знаменка, Каховка, Водяная, Благовещенская, Рогачик, Князь-Григорьевка, Веселая, Хитровка, Васильевка, Преображенская⁸.

В первой половине XIX в. процесс колонизации Таврии русскими и украинскими крестьянами продолжался. Население многих русских и украинских сел Северной Таврии в начале XIX в. превышало тысячу человек. В Днепровском уезде в 1814 г. в Большой Белозерке проживало 2646 душ, в Верхнем Рогачике — 2244, Рубановке — 1816, Водяном — 1351, Большой Лепатихе — 1340, Большой Знаменке — 1318, Малой Лепатихе — 1199, Збурьевске — 1183, Алешках — 1004⁹. Большие села и местечки встречались и в Мелитопольском уезде. В 1816 г. в Большом Токмаке насчитывалось 2584 жителя, Черниговке — 1990, Андреевке — 1853, Николаевке — 1771, Михайловке — 1756, Тимашевке — 1672, Поповке — 1503, Малом Токмачке — 1423, Петропавловке — 1391¹⁰. Важно отметить, что многие из этих сел даже не встречаются в списке русских поселений, составленном в 1796 г., население же уже существовавших с конца XVIII в. сел и деревень порою возрастает за 20 лет в 10 раз.

Из каких губерний переселялись в Таврию русские и украинские крестьяне? Переписка таврического губернатора с Министерством внутренних дел, прошения самих крестьян и предписания новороссийского губернатора позволяют до некоторой степени ответить на этот вопрос.

Оказывается, что известную часть переселенцев в Таврическую губернию составляли казенные крестьяне Полтавской губернии. Еще в 1812 г. в с. Усть-Азовское Днепровского уезда переселилось 96 крестьян Миргородского уезда¹¹. В 1820 г. предназначенные для поселения в с. Белозерка Днепровского уезда 17 душ крестьян Полтавской губернии остановились в казенном поселении Большой Токмак Мелитопольского уезда «с намерением заработать на хлеб», да так и остались «в этом селении со своими семействами и обзавелись здесь хлебопашеством»¹². В 1821 г. казенные крестьяне с. Ковали Хоровского уезда Полтавской губернии (37 душ) переселились в селение Малая Юзовка¹³. В том же году группа крестьян (51 человек), отпущенных на волю по завещанию умершего помещика командора Темченко, переселилась в с. Серагозы, расположенное в Северной Таврии¹⁴. Переселение крестьян из Полтавской губернии в Таврию можно проследить по источникам и в последующие годы.

⁵ А. Озенбашлы. Роль царского правительства в эмиграции крымских татар. — «Крым», 1926, № 2.

⁶ ИТУАК, 1888, № 6, стр. 39.

⁷ Выписка из путешественных записок Василья Зуева ..., стр. 144; Ж. Ромм. Путешествие в Крым в 1786 г., стр. 33.

⁸ Ф. Ф. Лашков. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. — ИТУАК, 1894, № 24, стр. 56—57.

⁹ ГАКР, ф. 26, оп. 1, д. 1063, лл. 75—121.

¹⁰ Там же, лл. 25—27.

¹¹ Там же, д. 3421, лл. 1—3.

¹² Там же, д. 5225, лл. 1—4.

¹³ Там же, л. 39.

¹⁴ Там же, л. 28.

Одновременно шло переселение крестьян из Черниговской губернии. В 1816 г. 38 душ крестьян обоего пола проявили желание переселиться из Черниговской губернии в селение Верхний Рогачик Таврической губернии, в 1819 г. 194 души крестьян Нежинского повета обратились к таврическому губернатору с аналогичной просьбой¹⁵. В 1821 г. группа крестьян Городницкого повета (количество неизвестно) пожелала переселиться в Серагозы¹⁶.

Крестьяне переселялись в Таврию не только из украинских губерний. В эти же годы сюда прибыло до 200 крестьян Тимского, Обоянского, Дмитриевского, Белгородского уездов Курской губернии¹⁷. Все они обосновались в материковых уездах Таврической губернии.

Селились в Таврии и крестьяне из Орловской и Пензенской губерний¹⁸. Значительное количество переселенцев в начале 20-х годов прибыло из деревень Тамбовской губернии¹⁹.

Главной причиной, толкавшей крестьян внутренних губерний России к переселению в Таврическую губернию, было малоземелье. Почти во всех прошениях о переселении указывалось, что крестьяне переселяются «по причине крайнего... в земле недостатка», что крестьян побуждает к переселению «недостаток в пахотной и сенокосной земле»²⁰.

Наряду с крестьянами православного вероисповедания в Таврическую губернию стекались сектанты различных направлений. Допуская их туда, царское правительство преследовало две цели — очистить от сектантов внутренние губернии, где они оказывали «вредное воздействие» на православное население, и заселить русскими и украинскими крестьянами никем не обрабатываемые окраинные земли.

В начале XIX в. в Мелитопольском уезде появляются духоборы, которые к 20-м годам создали здесь ряд новых поселений (Богдановка, Ново-Богдановка, Троицкое, Ново-Павловка, Терпенье, Семеновка). В 30-х годах XIX в. число духоборов превысило здесь 4000 душ²¹. Они переселялись на юг из Тамбовской губернии, из кавказских губерний, из Финляндии, из области войска Донского²². Духоборам было отведено до 15 десятин земли на душу мужского пола, на 5 лет они были освобождены от уплаты податей²³.

Быстро осваивая новые земли, духоборы устраивались здесь надолго. В рапорте таврического губернатора херсонскому военному губернатору отмечалось, что духоборы «весьма трудолюбивы, занимаются обширным земледелием и имеют большое скотоводство, выделяют сукно, ткнут холст, кушаки и прочее для собственного своего употребления нужное... и сверх сего некоторые из них имеют еще собственные весьма знатные конские заводы»²⁴. В хозяйстве наиболее богатых крестьян-духоборов применялся наемный труд крестьян из соседних казенных поселений²⁵.

Однако закрепить в Таврии духоборам не удалось. Царские администраторы неоднократно обращались в Петербург с жалобами на то, что духоборы «стараятся... внушать нелепые свои правила своим соседям малороссийской породы поселянам», что «... во всех духоборских селениях скрываются беглые помещичьи крестьяне, военные дезертиры и даже бежавшие из крепостей каторжные»²⁶. Херсонский военный губернатор в одном из своих донесений указывал, что эта секта «обольщает простой и непросвещенный народ тем, что освобождает каждого от всех обязанностей, святостью религии внушаемых»²⁷. В начале 40-х годов XIX в. духоборы были насильственно переселены на Кавказ, а их села заняты государственными крестьянами православного вероисповедания²⁸.

В 20-х годах XIX в. в Таврической губернии, на левом берегу р. Молочной, поселяются молokane, которые образуют три большие слободы — Астраханку, Ново-Васильевку и Ново-Спасское²⁹. Молokane были переселены в Северную Таврию главным образом из Тамбовской и Екатеринославской губерний³⁰.

В собственно Крыму русские и украинские поселения возникли еще в конце XVIII в. (Подгорно-Петровское, С.-Петербургские Мазанки, Курцы, Зуя, Бия-Салы, Мангуш, Чистая, или Чистенькая, Владимировка, Изюмовка, Елизаветовка, Ивановка,

¹⁵ ГАКРО, ф. 26, оп. 1, д. 1802, лл. 1—9; д. 4030.

¹⁶ Там же, д. 5225, лл. 57—59.

¹⁷ Там же, д. 4904, л. 3; д. 4030, лл. 1, 6, 7; д. 5035, лл. 1, 25—30.

¹⁸ Там же, д. 2798, лл. 92—93; д. 2631, лл. 2—4.

¹⁹ Там же, д. 5225, лл. 36, 37, 41.

²⁰ Там же, д. 3421, л. 1; д. 4030, л. 10; д. 5225, л. 57 и др.

²¹ Памятная книга Таврической губернии. Симферополь 1867, стр. 206—207.

²² ГАКРО, ф. 26, оп. 1, д. 2269, лл. 1—2; д. 2143, лл. 111—112, 121, 126; д. 2798, л. 209.

²³ ПСЗ, т. XXVII, № 2023.

²⁴ ГАКРО, ф. 26, оп. 1, д. 2143, лл. 147—148.

²⁵ Там же, л. 149.

²⁶ Там же, лл. 5—6.

²⁷ Там же, л. 6.

²⁸ Памятная книга Таврической губернии, 1867, стр. 207.

²⁹ Там же.

³⁰ ГАКРО, ф. 26, оп. 1, д. 2798, лл. 114, 140—141.

Степановка и др.). Однако и в первой половине XIX в. они представляли собой лишь небольшие островки, терявшиеся среди татарских селений, и не могли существенно изменить этнический состав населения Крыма. В Симферопольском уезде, например, в 1816 г. насчитывалось семь русских селений с общим числом дворов 173, в Феодосийском уезде — два русских селения с числом дворов 93³¹.

Совсем иначе обстояло дело в материковых уездах Таврической губернии. Здесь уже в середине XIX в. русские и украинцы составляли преобладающую часть крестьянского населения. В 1845 г. из 548 905 жителей Таврической губернии в материковых уездах проживали 272 962³². Из донесений уездных исправников таврическому губернатору за 1846 г. видно, что большинство крестьян Мелитопольского, Днепровского и Бердянского уездов составляли лица православного вероисповедания, т. е. главным образом русские или украинцы³³.

Как видим, заселение Таврической губернии русскими и украинскими крестьянами осуществлялось прежде всего сверху, по распоряжению царских властей и по инициативе русских помещиков. Еще до конца XVIII в. царское правительство роздало в Таврической губернии до 625 тыс. десятин земли. В числе одаренных земель были графиня Скавронская и принц Нассауский, получившие в Северной Таврии по 12 тыс. десятин, Г. Потемкин, которому досталась огромная территория — 122 тыс. десятин³⁴. В XIX в. этот процесс продолжался. Если еще в 1823 г. на Южном берегу Крыма насчитывалось не более 4—5 русских помещичьих имений, то в 1837 г. их было уже 105³⁵. Некоторые помещики переводили в Крым крепостных крестьян из своих имений. Так, например, М. С. Воронцов насильственно переселил своих крестьян-оброчников из Владимирской губернии в Крым для работы на виноградниках. Крестьян отправляли в Крым пешком, и жили они здесь часто в отрыве от своих семей³⁶. Крепостные крестьяне работали в имении Голицыной, в имении Бороздина (с. Саблы), где помещик завел суконную фабрику, на которой было занято 76 крепостных крестьян³⁷.

Однако заселение Таврической губернии осуществлялось и снизу, путем стихийной колонизации Крыма и Северной Таврии государственными крестьянами и беглыми крепостными. Помещики неоднократно жаловались на это царским властям и требовали принять против беглых самые срочные меры. В рапортах земских исправников нередко идет речь о том, что беглые скрывались в селениях духовоборов и молокан³⁸. В 1827 г. был издан указ о беглых Новороссийского края, по которому сельским и городским обществам разрешалось приписывать всех беглых, появившихся в крае до издания указа, владельцы же этих беглых крестьян в течение двух лет после опубликования указа могли получить денежную компенсацию. Все беглые, пришедшие в край после опубликования указа, подлежали немедленному возвращению своим владельцам; за укрывательство полагалось строжайшее наказание³⁹. В дальнейшем было постановлено, что беглые крестьяне подлежат отдаче в рекруты, отправке в арстантские роты или ссылке в Сибирь⁴⁰. К моменту издания указа только на Южном берегу Крыма оказалось свыше 300 беглых, которые работали в имениях русских помещиков. Помещики, посовещавшись, решили, чтобы не подвергаться неприятностям, любыми средствами избавиться от них, и все беглые были сосланы в Сибирь⁴¹.

Юридическое положение русских и украинских переселенцев в Таврической губернии, как и в других губерниях Новороссийского края, было неодинаковым. Правда, крепостными крестьянами была только небольшая часть переселенцев (в 1845 г. в Таврической губернии было 30 400 крепостных крестьян и 310 700 государственных крестьян⁴²), но и положение русских и украинских поселенцев, зачисленных в разряд государственных крестьян, с юридической точки зрения было неустойчивым, а их экономическое благосостояние во многом зависело от произвола царских чиновников. Здесь достаточно напомнить о принудительном выселении из губернии духовоборов. Кроме того, в документах Крымского архива не раз упоминается об отказах губернских властей причислить тех или иных переселенцев к тем селам, где они уже обосновались на жительство; встречаются решения о высылке на прежнее место жительства уже переселившихся крестьян, распродавших на родине все свое имущество, и ничем не оправданные запрещения переселения крестьян из деревни малоземельной в многоземельную,

³¹ ГАКрО, ф. 26, оп. 1, д. 1859, л. 63.

³² Там же, д. 15011, л. 70.

³³ Там же, д. 15086, лл. 22—23, 25, 35, 36.

³⁴ Там же, ф. 799, д. 454, л. 1; д. 120, л. 1; д. 16, лл. 1—3.

³⁵ А. А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. 2, стр. 129—130.

³⁶ Е. И. Индова. Крепостное хозяйство в начале XIX в., стр. 42—43.

³⁷ ГАКрО, ф. 26, оп. 1, д. 1504, лл. 7—8.

³⁸ Там же, оп. 4, д. 534, лл. 2, 7, 8, 14, 18, 19, 30.

³⁹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 661, лл. 17—18.

⁴⁰ II ПСЗ, т. III, № 2237.

⁴¹ П. В. Маслов и др. Крым. — Хрестоматия по истории края, ч. 1. Симферополь 1930, стр. 87.

⁴² ГАКрО, ф. 26, оп. 1, д. 15011, л. 70.

имеются свидетельства о длительной задержке в предоставлении переселенцам удобной для земледелия земли⁴³.

Помимо русских и украинских крестьян, в конце XVIII и первой половине XIX в. в Таврической губернии появляются иностранные колонисты — греки, принимавшие участие на стороне России в войнах с Турцией и вынужденные оставить свою родину под угрозой жестоких репрессий со стороны султанского правительства, болгары, бежавшие из Османской империи по тем же причинам, и, наконец, немецкие колонисты, приглашенные в целях заселения «пустопорожных» земель.

Чем объясняется приглашение иностранных колонистов в Новороссию? Главной причиной, толкнувшей царское правительство на этот шаг, было господство в России крепостного права и, как результат этого, нежелание крепостников-помещиков отпускать своих крестьян в новые области.

Первые новогреческие поселения появились в Крыму (в Керчи и Ени-Кале) после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. Греческие поселенцы были освобождены от податей на 30 лет. В дальнейшем они получили название «албанского войска», которое затем было переименовано в греческий пехотный полк, несший пограничную службу на побережье Крыма. Центром пребывания полка стала Балаклава. Офицеры получили в этом районе по 60 десятин, а рядовые — по 15 десятин земли. Греки заняли 5 деревень в окрестностях Балаклав (Керменчик, Лаки, Карань, Кадькой, Камару)⁴⁴.

В первой половине XIX в. в Крыму появляются и поселяются на постоянное жительство также другие группы греков. Но в крестьянской колонизации Крыма и Северной Таврии греки не сыграли сколько-нибудь заметной роли. Значительная часть их обосновалась в городах, где греки занялись ремеслом и торговлей.

Первые болгарские переселенцы прибыли в Крым в самом начале XIX в. В Феодосийском уезде в 1802 г. возникла болгарская колония в Старом Крыму, а в 1803 г. — болгарская колония Кишлав. В Симферопольском уезде в 1806 г. была создана болгарская колония Балточекрак⁴⁵. В первой половине XIX в. болгары отдельными семьями и небольшими партиями продолжали переселяться в Тавриду⁴⁶.

Возникновение в Таврической губернии немецких колоний относится к первым годам XIX в. Большинство немецких колоний образовалось до 20-х годов XIX в. В 1804 г. было создано 14 немецких колоний, в 1805 — 17 (в том числе три из четырех колоний Феодосийского уезда и все четыре колонии Симферопольского уезда), в 1806 г. — 1, в 1809 г. — 1, в 1810 г. — 6, в 1811 г. — 2, в 1814 г. — 1, в 1815 г. — 1, в 1816 г. — 1, в 1819 г. — 2, в 1820 г. — 10 колоний; в последующие годы также возникали одна-две-три колонии⁴⁷. Большая часть немецких колонистов принадлежала к секте меннонитов, возникшей еще в XVI в. в период Реформации. Однако среди этих колонистов было также немало лютеран и католиков. Судя по отчету губернатора, в 1845 г. в Таврической губернии насчитывалось 14 306 меннонитов, 9160 лютеран, 4514 католиков⁴⁸.

В отличие от русских, украинских и других переселенцев немецкие колонисты с самого своего появления в России были поставлены в особое положение. Каждый колонист получал на семью земельный надел в 60—65 десятин. Царское правительство предоставляло немецким колонистам всевозможные льготы и привилегии. Они были освобождены на много лет от всяких податей и налогов, навсегда — от воинской повинности и обязанности принимать на постой войска, получили право свободно заниматься промышленной и торговой деятельностью, им выдавались значительные единовременные пособия деньгами, хлебом, скотом, земледельческими орудиями, лесом, фактически было предоставлено право на самоуправление⁴⁹. Не случайно переселенцы просили о передаче их в управление конторы иностранных колонистов⁵⁰ (эта просьба, разумеется, была отклонена). Как отмечали историки, русский крестьянин не смел даже и мечтать о подобных условиях⁵¹. «На заперекопские немецкие и меннонитские колонии, — писали авторы «Памятной книги Таврической губернии» за 1867 г., — привыкли указывать все как на самые благоустроенные, богатые, образцовые, приписывая все это немецкому трудолюбию, трезвой жизни, необыкновенной аккуратности и прочим добродетелям... Но, превознося похвалами немцев, не следует забывать, что из них каждая семья, кроме множества единовременных пособий деньгами, земледельческими орудиями, хлебом, скотом и проч., получила в собственность от 60—65 десятин лучшей земли, свободу от

⁴³ ГАКрО, ф. 26, оп. 1, д. 4904, л. 3; д. 5035, л. 1; д. 5332, лл. 1—2; д. 2798, лл. 76, 180.

⁴⁴ С. Сафонов. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклав. — «Записки Одесского общества истории и древностей», т. 1. Одесса 1844, стр. 203—238.

⁴⁵ А. Клаус. Наши колонии. Опыт и материалы по истории иностранной колонизации в России, вып. I. СПб. 1869, прилож. II, стр. 34—42.

⁴⁶ Н. Державин. Болгарские колонии Новороссийского края. — ИТУАК, 1909, № 41, стр. 17—18.

⁴⁷ А. Клаус. Наши колонии, вып. I, прилож. II, стр. 34—42.

⁴⁸ ГАКрО, ф. 26, оп. 1, д. 15011, лл. 75—76.

⁴⁹ Памятная книга Таврической губернии, 1867, стр. 200—201.

⁵⁰ ГАКрО, ф. 26, оп. 1, д. 2798, лл. 131, 134.

⁵¹ Д. И. Багалей. Колонизация Новороссийского края ..., стр. 90.

податей и разных натуральных и денежных повинностей и отдельное управление. Особенно важной была свобода от рекрутской повинности: семья не лишалась или навсегда или на весьма продолжительное время лучших, здоровых рабочих рук»⁵². Все это вместе взятое в значительной степени и обеспечило экономическое преуспеяние немецких колонистов в Таврической и других губерниях Новороссии, о котором так много и восторженно писал ряд историков и экономистов XIX в.

Признавая известные успехи немецких колонистов в хозяйственном освоении Таврии, нельзя забывать о другой стороне немецкой колонизации. Немцы заняли лучшие земли Северной Таврии и отчасти Крымского полуострова, лишив, таким образом, русских и украинских переселенцев возможности пользоваться ими. Любопытно отметить, что когда переселенцы из Орловской губернии обратились с просьбой предоставить им в Днепровском уезде участки земли, числившиеся под №№ 58 и 60, то херсонский военный губернатор ответил им отказом, ссылаясь на то, что эти земли «государю императору угодно было предложить для поселения иностранных колонистов»⁵³. Для расселения колонистов было отведено 214 тыс. десятин земли⁵⁴.

Хозяйственный опыт немецких колонистов (в силу огромной разницы между ними и остальной массой населения в социально-экономическом и юридическом положении и большой изолированности их от остального населения) не мог быть в сколько-нибудь заметных масштабах передан другим этническим группам Таврии. Тот же А. Клаус признавал, что, «будь наш крестьянин гениален во всевозможных отношениях; будь он гигант по энергии, настойчивости и силе, но связанный, опутанный по рукам и ногам, он мог бы думать об усвоении иных, более лучших порядков, только порвавши эти путы. Где же тут было время вдумываться в колонистские порядки, какая же могла быть у него возможность перенимать, усваивать эти порядки даже при самом усердном желании с его стороны?»⁵⁵. Судя по описанию Таврической губернии, составленному в 1849 г., большинство крестьянского населения губернии обрабатывало землю сравнительно примитивными методами. В середине XIX в. здесь была распространена переложная система полеводства, поля, как правило, не удобрялись, посев производился иногда не на вспаханную, а только на слегка взрыхленную землю, бороны с железными зубьями встречались редко⁵⁶.

Среди самих немецких колонистов уже в первой половине XIX в. наблюдался процесс классовой дифференциации. К началу 40-х годов XIX в., кроме наделных земель, отдельные колонисты владели на правах полной частной собственности большими участками земли. Так, колонист Мартенс имел 33 691 десятину, Корнис — 5864, Фейн — 3675⁵⁷, Янцен — 3318, Шредер — 3000, Дендер — 3000 десятин и т. д. Наряду с этим из 4183 семейств иностранных колонистов 1704 уже в 1841 г. были безземельными и вынуждены были на кабальных условиях арендовать землю у своих собратьев или наниматься к ним же в качестве батраков⁵⁸.

Еще более разительными социальными контрастами были в Молочанском меннонитском округе, где находилось 44 из 82 немецких колоний Таврической губернии. В 1841 г. здесь на 1033 владельцев полных наделов приходилось 1700 безземельных семейств⁵⁹. Бразды правления в колониях держали в своих руках хозяева полных наделов; участниками сельских сходов имели право быть лишь владельцы 65-десятинного двора, и только такие хозяева могли занимать выборные должности. Безземельным колонистам разрешалось выгонять на общественный выпас не более двух голов скота, да и то по уплате 1 руб. с головы. А между тем они должны были на равных с дворохозяевами основаниями участвовать в душевой ссыпке хлеба в общинные амбары, с них взыскивались по уравнительной раскладке казенные и общественные сборы⁶⁰.

Классовая борьба между имущими и неимущими меннонитами облекалась в религиозные формы — она принимала характер борьбы различных толков меннонитского вероучения⁶¹.

В создании материальных ценностей в немецких колониях немалую роль играл труд русских и украинских батраков, как постоянно живших в хозяйствах колонистов, так и приходивших сюда на заработки. До реформы 1861 г. среди постоянных батраков немецких колонистов преобладали немцы; так, в 1851 г. в Молочанском меннонитском округе среди 1374 годичных наемных рабочих русских и украинцев было всего 430 человек. Но постепенно положение менялось и труд русских и украинских батраков приобретал в хозяйствах немецких колонистов все большую и большую роль⁶².

⁵² Памятная книга Таврической губернии, 1867, стр. 200—201.

⁵³ ГАКРО, ф. 26, оп. 1, д. 2798, л. 25.

⁵⁴ А. Клаус. Наши колонии, вып. I, стр. 21.

⁵⁵ Там же, стр. VIII.

⁵⁶ Герсиванов. Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XI, ч. 2, Таврическая губерния, стр. 126—127.

⁵⁷ В конце XIX в. Фальц-Фейн имел 200 000 десятин земли (см. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 220).

⁵⁸ А. Клаус. Наши колонии, вып. I, прилож. VII.

⁵⁹ Там же, стр. 167.

⁶⁰ Там же, стр. 167, 181.

⁶¹ Там же, стр. 192—197.

⁶² Там же, стр. 163.

В конце XIX в. В. И. Ленин, перечисляя губернии, относившиеся к главному району прихода земледельческих наемных рабочих, одной из первых назвал в их числе Таврическую губернию⁶³.

Таким образом, хотя иностранные колонисты и были носителями более прогрессивного капиталистического уклада в сельском хозяйстве, их роль в развитии экономики Таврии не следует преувеличивать. Капиталистический уклад в сельском хозяйстве развивался также на землях государственных крестьян и в имениях русских помещиков. Крестьянская колонизация Новороссийского края имела очень большое значение.

За период с 1811 по 1863 г. население всей Новороссии возросло с 1841,5 тыс. до 5117,7 тыс. человек. Население Таврической губернии выросло за это время с 254,9 тыс. до 606,8 тыс. человек⁶⁴. В результате заселения Новороссии, и в частности Таврической губернии, русскими и украинскими крестьянами и иностранными колонистами развитие производительных сил в этом крае, в особенности в области сельского хозяйства, осуществлялось несравненно более быстрыми темпами и на более прогрессивных началах, чем в остальных районах империи. Средний сбор зерновых культур в губернии за период с начала XIX в. по 1860 г. вырос примерно в 4 раза, количество виноградных кустов увеличилось с 1832 по 1848 г. более чем в 6 раз, число меринсовых овец уже в 40-х годах достигло миллиона голов⁶⁵. Но феодально-крепостнический строй, господствовавший в то время в России, являлся серьезным тормозом на пути колонизации южнорусских степей и Крыма.

В. И. Ленин указывал, что в начале пореформенной эпохи «... в 60-х годах южные и восточные окраины Евр. России были в значительной степени незаселенной территорией»⁶⁶. И это положение особенно верно по отношению к Таврической губернии: в первой половине XIX в. здесь на каждые 100 тыс. десятин обрабатывалось лишь 17 060⁶⁷.

Несравненно более мощный поток переселенцев устремился на юг только в 60—70-х годах XIX в.⁶⁸ В. И. Ленин подчеркивал, что «... главным условием, позволившим быструю колонизацию Новороссии, было падение крепостного права в центре России. Только переворот в центре дал возможность быстро, широко, по-американски, заселить юг и индустриализировать его»⁶⁹.

⁶³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 200.

⁶⁴ А. Г. Рашин. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М. 1956, стр. 55.

⁶⁵ С. А. Секиринский. Некоторые черты развития сельского хозяйства Крыма и прилегающих к нему земель Южной Украины в конце XVIII — первой половине XIX в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1960 г. Киев 1962, стр. 408, 415, 411.

⁶⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 494.

⁶⁷ Очерки экономической истории России первой половины XIX в. Под ред. М. К. Рожковой. М. 1959, стр. 21.

⁶⁸ В 60-х годах в Таврической губернии наблюдалось своеобразное «переселение народов». Колонизация губернии русскими и украинскими крестьянами и отчасти иностранными, главным образом болгарскими, колонистами была в значительной мере связана с выселением из Крыма и Северной Таврии татарского населения. За 1860—1862 гг. выселилось свыше 181 тыс. татар, покинувших 784 деревни, из которых к 1866 г. 330 оставались в развалинах, а остальные были заняты новыми поселенцами — русскими, украинцами, болгарами, молдаванами, немцами, греками (Памятная книга Таврической губернии, 1867, стр. 434—438). За несколько десятилетий этнический состав населения Таврической губернии коренным образом изменился. Если в 1845 г. из 548 905 жителей губернии мусульман (т. е. почти исключительно татар) было 288 690 (ГАКР, ф. 26, оп. 1, д. 15011, л. 70), то в 1866 г. на 613 000 жителей татар, караймов и евреев осталось только 125 000 человек, русских же, украинцев, болгар, молдаван и греков насчитывалось 418 000 (Памятная книга Таврической губернии, 1867, стр. 195).

⁶⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 64—65.

СОДЕРЖАНИЕ

«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы» за 1961 г.	3
Резолюция IV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в Риге	6
Постановление Бюро Отделения исторических наук АН СССР об итогах IV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы	7

Доклады на пленарных заседаниях

Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Проблема классового расслоения крестьянства периода позднего феодализма в свете трудов В. И. Ленина о развитии капитализма в России	11
Д. Л. Похилевич. Малоземельное и безземельное сельское население в Русском воеводстве Речи Посполитой в XVI в.	25
М. И. Козин. Разложение крестьянства Видземе и Курземе во второй половине XIX в.	39
Я. П. Крастынь. Положение и борьба крестьян Латвии в годы первой мировой войны	52

Доклады и сообщения на секционных заседаниях

Первая секция (до середины XVII в.)

А. Д. Горский. Некоторые итоги изучения земледелия древней Руси (IX—XV вв.) в советской историографии	65
В. А. Якубский. Неимущее сельское население и проблема рабочих рук в Малой Польше в конце XVI—XVII в.	78
Я. Д. Исаевич. Гродские и земские акты — важнейший источник по истории аграрных отношений в Речи Посполитой в XVI—XVIII вв.	90
А. П. Пьянков. Сельская община Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв.	100
Ю. Г. Алексеев. Развитие феодального землевладения в Переяславском уезде в XV — начале XVI в.	108
В. В. Дорошенко. Действие «революции цен» в Восточной Прибалтике в XVI в.	114
Х. М. Лиги. Закрепощение крестьян в Эстонии	126
Ю. М. Гроссман. Фольварки государственных имений Русского и Белзского воеводств во второй половине XVI в.	135
Н. А. Горская. Урожайность зерновых культур в центральной части Русского государства в конце XVI — начале XVII в.	147
И. Д. Бойко. Производительные силы в сельском хозяйстве Украины в XVI — первой половине XVII в.	165
Е. И. Чернышов. Татарская деревня второй половины XVI и XVII в.	174

Вторая секция (середина XVII — конец XVIII в.)

В. А. Романовский. Основные проблемы истории феодализма на Левобережной Украине в XVII—XVIII вв.	184
Э. Э. Эпик. Подъем крестьянского движения на территории Эстонии в первую половину Северной войны (1700—1710 гг.)	195
А. Л. Шапиро. Развитие рыночных отношений и крепостничество в русской деревне первой половины XVIII в.	207
П. Г. Козловский. Земельный надел и повинности крестьян в магнатских владениях Белоруссии во второй половине XVIII в.	218
А. Н. Копылов. О характере крестьянской колонизации и проблеме рабочей силы в земледелии Енисейского уезда в XVII в.	232
А. П. Грицкевич. Местный рынок сельскохозяйственных продуктов в Слуцком княжестве в Белоруссии в конце XVII — начале XVIII в.	241
Д. М. Драгнев. Аграрное законодательство К. Маврокордата и изменение правового положения молдавских крестьян в середине XVIII в.	252
М. М. Громыко. Крестьяне церковных вотчин Западной Сибири в 40—60-х годах XVIII в.	262
В. Ф. Инкин. Особенности социальной борьбы королевских крестьян в Галичине в XVIII в.	271
Л. В. Милов. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в.	279
О. Е. Иванова. К вопросу о крестьянском землевладении феодальной Польши (XVI — середина XVIII в.)	289

Третья секция (конец XVIII — первая половина XIX в.)

Г. П. Строд. Начало применения сельскохозяйственных машин в Латвии (конец XVIII — начало 60-х годов XIX в.)	296
Ю. Ю. Кахк. О территориальной распространенности крестьянских волнений в Эстонии в XVIII и первой половине XIX в.	306
А. З. Барабой. Наемный труд в помещичьих имениях Правобережной Украины в первой половине XIX в.	321

В. И. Неупокоев. Перестройка некоторых помещичьих хозяйств Литвы во второй трети XIX в.	331
И. А. Лейнасаре. Развитие земледельческих орудий труда в Латвии в период разложения барщинного хозяйства (конец XVIII — первая половина XIX в.)	349
С. А. Секиринский. Из истории крестьянской колонизации Таврической губернии в конце XVIII — первой половине XIX в.	356
М. Д. Курмачева. Социальное расслоение крестьян в ардатовских вотчинах Голицыных в конце XVIII — середине XIX в.	363
С. С. Лукичев. Состояние основных отраслей сельского хозяйства в Алтайском горном округе в первой половине XIX в.	379
Б. Г. Плющевский. Социальное и хозяйственное развитие вятской деревни в 40—50-х годах XIX в.	390
И. А. Анцупов. Развитие торгового садоводства и виноградарства в селениях государственных крестьян и колонистов южных уездов Бессарабии в 30—60-х годах XIX в.	399

Четвертая секция (вторая половина XIX — начало XX в.)

Г. Т. Рябков. Сравнительный анализ данных дореформенных подворных описей помещичьих крестьян и земских подворных переписей	411
С. М. Байкова. К вопросу об участии крестьян Белоруссии в восстании 1863 г.	422
К. И. Шабуня. О развитии капитализма в помещичьем хозяйстве Белоруссии в конце XIX и начале XX в.	435
Н. Н. Лещенко. Формирование союза рабочего класса и крестьянства на Украине в период первой русской революции	448
А. В. Полонский. Отношение царского правительства к вопросу о пастбищных сервитутах в Белоруссии	457
Н. Н. Кравец. Крестьянское движение в Восточной Галиции во второй половине XIX в.	466
С. Н. Злупко. Классовая сущность и эволюция экономических требований галицкого крестьянства во второй половине XIX — начале XX в.	472
И. Р. Грейтянис. Формы протеста и борьбы крестьянского населения против остатков крепостничества в Латвии в 80-х годах XIX в.	481
Л. Г. Сухотина. К вопросу о характере и формах крестьянского землепользования в Томской губернии в конце XIX — начале XX в.	487
В. В. Прусс. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Южного Зауралья в конце XIX — начале XX в.	493
П. А. Шацкий. Пореформенная колонизация Кубанской области и развитие земледелия на Кубани	501
Ф. П. Кунцевич. К истории аграрно-крестьянского вопроса в Крыму в конце XIX — начале XX в.	511
Д. Е. Шемяков. К вопросу о товарности зернового хозяйства Бессарабии в эпоху империализма (конец XIX в. — 1917 г.)	520

Обсуждение докладов

Прения на пленарных заседаниях	529
Заключительные выступления	562
Список докладчиков и выступавших в прениях	568

ЕЖЕГОДНИК ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Редактор *С. Леви*. Технический редактор *А. Лемберга*. Корректор *И. Шульц*.

Сдано в набор 18 января 1963 г. Подписано к печати 15 июля 1963 г.
Формат бумаги 70×108/16. 35,75 физ. печ. л.; 39,31 усл. печ. л.; 63,28
уч.-изд. л. Тираж 1200 экз. ЯТ 06505. Цена 3 руб. 95 коп.

Издательство Академии наук Латвийской ССР
г. Рига, ул. Смильшу № 1

Отпечатано в Образцовой типографии Управления полиграфической промышленности Министерства культуры Латвийской ССР, г. Рига,
ул. Пушкина № 12. Заказ № 78.
9(A4)+9(L)